

Я. КАРЛЕН

# ЛИХОЛЕТЬЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ



ПАРИЖ

1956

Я. КАРЛЕН

# ЛИХОЛЕТЬЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ



ПАРИЖ

1956



## В С Т У П Л Е Н И Е

(Большевикам.)

Летопись позорную, дикую, кровавую  
От народной совести никогда не скрыть  
Ни военной силою, ни победной славою:  
Спета песня страшная — песня будет жить!

Все законы разума вами были порваны,  
В рабство и бесправие брошен человек.  
Труженик обиженный, от земли оторванный,  
Как укор мучительный, не умрет во век.

Голод беспризорников, слезы раскулаченных,  
Женское бесправие — все судьба учтет.  
Жалкая покладливость, вами одураченных,  
Вам же, одурачившим, даром не пройдет!

Перестаньте хвастаться нашей русской силою:  
Не для вас, преступников, этой силе быть.  
Вы страну великую сделали могилою...  
Вам ли сердце русское это зло простит?!

Ваша слава дутая, ложью подогретая,  
Волею (народною) будет сметена.  
Русь полуголодная и полураздетая  
Новые на ниву бросит семена!

Летопись позорную, дикую, кровавую  
От народной совести никогда не скрыть  
Ни военной силою, ни победной славою:  
Спета песня страшная — песня будет жить!

## Р Е В К О М

Помню я вечер отмеченный кровью.  
Смерть подошла к моему изголовью:  
— Спишь, почиваешь? — сказала она —  
Спи, брат, плохие пришли времена:  
Помнишь Матвеея Егорыча, знаешь?  
Был мужичина какой, вспоминаешь...  
Кончили! Ехал из города, взяли  
Руки и ноги к саням привязали,  
Мучили долго сперва, а потом  
Голову прочь отнесли тесаком!

— Что ты тревожишься? Спи себе, милый,  
Наши ревкомцы то хвалятся силой:  
Красная тряпка теперь над селом!  
Старое выкинь, забудь о былом —  
Колокол больше звонить то, не будет,  
Батюшку Прохора он не разбудит...  
Сам, пожди, знаешь — слушки доходили:  
Долго над ним издевались и били,  
Полуживого свезли под овраг  
И пристрелили, как кошку, впотьмах  
Доже зарыть не зарыли, бродяги,  
Ноги торчат из-под мусора наги.  
Псы да вороны пронюхали скоро —  
Тучами вьются уже у забора —

Стук. Просыпаюсь. В спине холодок.  
Пологом черным навис потолок.  
В окна луна льет ушатами воду.  
Звезды плывут по небесному своду..  
Видно ослышался: в улицах пусто,  
Только на сердце недоброе чувство —  
Чувство больное животной тоски  
Рвет мое сердце, как зверь, на куски!

Сколько догадок, предчувствий и страха  
Сеет в народе замкова папаха.  
Сам то Замков невелик и нестрашен —  
Даже красив и усами украшен —  
Ходит походкой военною, четкой.  
Пляшет, коль пляшется, дробной чечеткой,  
Речь непонятная — вечно намеки,  
Будто и мягок, но страшно жестокий:  
От Колчака по тайге укрывался,  
Знал его каждый и каждый боялся..  
Да, если в лапы к нему попадешь,  
То уж наверно живым не уйдешь..

Власть он теперь. Угнезвился, как видно,  
В нашем Ревкоме и правит солидно:  
Вчера приезжал он, в деревне кутил —  
Встрелся со мной и со мной говорил —  
Зубы точил и балясничал даже:  
— Живешь себе, милый, пожил себе — нажил!  
И при совете... живи себе! что ж?  
Жди, как и все — никуда не уйдешь!  
И хохотал и мяукал, как кошка,  
Было и жутко и гадко немножко:  
Гадко, что сила дана палачу,  
Жутко, что хлопал палач по плечу.

Вот и теперь! не приехали ль звери?  
Крепко ли заперты входные двери?

— Перепугался, соколик, не бойся.  
Крепко возьми одеялом укройся...  
Помнишь, бывало, как в детстве то спал,  
В гнездышке птичкой себя ощущал —  
Так и теперь беззаботно усни —  
Не за тобой прикатили они:  
Выбор, как вижу, тебя миновал —  
Видно — судьба или час не настал,  
Только коней привязали они  
Там, где Никиты Петрова плетни...  
Видишь, заехать решили задами...  
И захрустела старуха костями,  
Черепом страшно ко мне повела,  
Знать, улыбнуться хотела она.

— Видишь, как Марья Ивановна плачет,  
Сует Назару Кольцову калачик —  
Бедная женщина — жаль муженька...  
Жить то ему всего четверть денька!  
Разве она это, бедная, знает...  
Вон и Никита Петров выезжает  
В полной упряжке, на лучшем коне:  
Тихо, торжественно в лунном огне  
Конь выступает — шлея, повод  
Блещут на нем, как живая вода.  
Гладит Никита бородку себе,  
Чует, что быть не добру, а беде.  
Все же упрямо, солидно молчит —  
Слышит, как Марья то в сенцах кричит.  
Он же так важен — хотя б тебе что!  
Но сердце то кровью живой облито,

Сила, мужик то, характер и ум..  
Слышишь, у Мандрова поднялся шум...

## II.

Тихо в степи то и видно далеко.  
Месяц глядит, как орлиное око,  
Искорки по снегу синим огнем  
Переливаются в поле немом.  
Лентою черной по гладкой дороге  
Едет обоз молчаливый и строгий.  
В шубы, в тулупы закутан народ.  
Даль серебрится, как сказочный грот.  
Тихо. Ни ветра, ни речи не слышно.  
Иней садится причудливо, пышно:  
Гривы, хвосты в серебре у коней,  
Пар голубой от горячих мяздрей.  
Звонко поет под саями железо  
Будто что хочет от сердца отрезать.

— Нет, не вернуться им.. Видишь, передний —  
Это Замков, что ругался намедни  
В волости против буржуев-купцов.  
Сгинут теперь не найдешь и концов!  
Как и не сгинуть то: только и крику;  
— Вырезать эту кулацкую клику!  
Только и пищет губернский Ревком:  
— Вырвать богатство, чтобы с корнем!  
Разве зажиточных мало людей,  
Разве не стало у нас палачей?!  
Только поверь мне, соколик родимый,  
Гонит Замков — буд»ет завтра гонимый —  
Дни сочтены и ему, как и им.



Этих погубит — сам будет гоним:  
Власть то советская, это не шутка:  
Все друг на друга поднимемся.. Нутко!!

Спит пристепная тайга, точно в дреме,  
Месяц над ней, в голубом своем доме,  
Тучки считает, а тучки, как дым,  
Быстро бегут то над ним, то под ним.  
Ели мохнатые в снег запушены,  
Точно в уборах боярские жены,  
Ветками долу припав широко,  
Тени бросают вокруг далеко.  
Тише в тайге и теплее и глуше.  
Холод не щиплет ни щеки, ни уши.  
Здесь он влажней, без движения спит.  
Только вот полоз тревожной скрипит  
Да и глазам нет простора и воли —  
Света того, что в раскинутом поле:  
Здесь из-под каждого пня и куста  
Смотрит враждебно в глаза шустота,  
Будто бы прячет что, страшное кроет,  
Сердце живое тоской беспокоит...  
Зверя ль, разбойника ль кроет она?  
Эх ты! немая, ночная тайга!

— «Видишь, с дороги то главной свернули.  
Кони почти по живот затонули,  
Еле бредут, разгребая сугробы.  
Сердце у всех защемило. Еще бы!  
Чай догадались, да деться куда?...  
Дальше и дальше в лесную трущобу  
Люмятся будто бы к черту в утробу.  
Вспомнил наш Мандров и бабу и деток,  
Снег ему в бороду падает с веток.

Не замечает. В глазах Никонорка —  
Старший сынишка, а рядом Егорка —  
Крепкий, подвижный трхлетний бутуз,  
Батькин любимец, залез под картуз —  
Тяпкину голову хочет примерить.  
Видит бедняга, что смерть, и не верит»...

— «Видишь, Никита Петров беспокоен...  
Сила мужик, по достатку и скроен,  
Что то смекает, по взгляду судя:  
Вся то надежда теперь на коня —  
Силою справиться тут и не думай!  
Стали. Замков закричал — Толстосумы,  
Чтобы, как в бане, тела до нага —  
Я ваш покорный товарищ-слуга!  
Живо! Какие замнуться, поддать!  
Так вашу черт, растуды вашу мать! —  
Кто-то по-бабьи беспутно завыл...  
Конь то Никиты Петрова вздыбил,  
Видишь! Никита Петров, как медведь,  
Взвил над собою ременную плеть.  
Крик. Суматоха. Уж скачут за ним.  
Снег разлетается пылью, как дым.  
Лошадь Никиты Петрова рысак  
Точно, как буря, летит под овраг...  
Вот и дорога! Уйдет.. не уйдет?  
Четверо скачут, несутся вобход.  
Высочил! Ой ли?! Поддай рысачек..  
Бьет, не жалест коня мужичек.  
Только напрасно, скажу я тебе,  
Страшная смерть у него на судьбе!  
Тех то покончили уж, уложили...  
Нет, не успел! и его окружили...

— Дома то баба стоит у иконы,

Бьет со слезами земные поклоны.  
Чует ли женщина, знает ли уж,  
Что погибает хозяин и муж?  
Пальцы уж режут Никите Петрову.  
Видишь, вздыбили его, как корову —  
Гешутся люди над телом чужим.  
Страшно быть стало на свете живым...  
Молит Никита Петров, чтоб прибили.  
Стоны его по кряхтели, то выли. —

— Жутко глядеть, отвернись, не тревожься:  
Может быть ты какнибудь и пробьешься,  
Может быть, если во время смекнешь,  
Участь Никиты сторонкой пройдешь.  
Только, смотри, аккуратнее будь:  
Рот придержи, не выпячивай грудь —  
Так, дурачком, понемногу тянись...  
Время настанет, тогда подымись!  
Знаю я крепко, что время придет,  
Сбросить безбожную силу народ —  
Станет хозяин на новом пути.  
Ты головой то так зря не крути!  
Череп мой страшен, но я хороша,  
Если за правду страдает душа.  
Видишь, попов то уж всех перебили,  
Всех богатеев со счету скостили.  
Скоро Замкова загнут под дугу!  
Кровь потечет на другом берегу,  
Мир раскачается точно качели:  
Солнечным утром, весною, в апреле  
Новые будут звучать голоса,  
Ласково будут сиять небеса...  
Я же, как раньше, в законный черед  
Буду вести свой суровый подсчет...

### Ш.

Солнце сияет над нашей деревней.  
Иваем пышным покрыты деревья.  
Крыши, как белые простыни в небе,  
Белая степь, как свернувшийся лебедь,  
Блещет на солнце мохнатым крылом,  
Даль ослепляет живым серебром.  
Чьи то ворота скрипят по морозу,  
Будто бы тянут из сердца занозу,  
У водопоя гремит ободья,  
В руки из рук по людям обходя.

Тихо в деревне... Но что-то неладно:  
Шепчутся бабы пугливо, нескладно.  
Из-под мохнатых папах мужики  
В земь, по-звериному, прячут зрачки.  
Баба, Никиты Петрова то, плачет,  
Баба Сморгцова рыдает тем паче,  
Баба Кольцова рехнулась, ревет,  
Мандрову бабу за сердце берет.  
Мать Степанида за сыном в Совет  
Бегала рано — искала чуть свет!  
И не нашла... Ей сказали: — Наверно  
Будет Егорка наказан примерно —  
Низко на грудь головою упав,  
Тут лишь я понял, что сон то был явь!  
Семь мужиков захватили и прочь  
Силой угнали с подводами в ночь.

Вечером снова приехал Ревком.  
Ходит Замков по деревне пешком,  
Гикает, пляшет, смеется, мяучит...  
Ох, не заходят ли новые тучи?!

Стук. Отрываются сердце. Идут!  
Четверть с собой самогонки несут:  
— Что? Принимаешь гостей или гонишь?  
Клички то наши забыл или помнишь?  
Жалуй! Котята мы! Все с коготками! —  
— Пьете, едите наверное сами —  
Шутим. Садимся... — Хозяйка, блинцы! —  
Кушают, пьют палачи-молодцы...  
Вот и гармоньки веселые нотки,  
Вот вам и дробь молодецкой чечетки —  
Все здесь! И шалости пьяные тут же:  
Водочка русская головы кружит —  
Дико ватага поет и орет,  
— За души павших, налей! — Выпивай!  
— Правим поминки, а ты не скучай! —  
Я хохочу... Собеседник мой тоже...  
Кровь на белках у него — Ну и рожа..  
Вот он обнял и целует меня.  
Смачно целует — куда там родня!  
Крепче родни!! Но я знаю, что он  
Жаждою крови, как зверь распален.  
Мной он играет, как кошка мышенком,  
И запевает похабное громко.  
А из-за двери... мне видно, им нет,  
Смотрит, знакомый мне, страшный скелет..

### Э п и л о г

Так вот с полгода котята крутили,  
Грабили, жрали, стреляли и пили...  
Только как раз вот в апрельские дни  
Лишними стали для власти они.  
Важные звери в Ревком прикатили,

Мелких зверенышей всех перебили,  
Кровью смочили за речкой лужок:  
— Радуйся де, трудовик-мужичек! —  
Так вот по-новому всем подмигнули  
Власти советской законные пули —  
Только меня не могли обмануть:  
Я уже понял советскую суть!....

## ЖИЛ БЫЛ ГРОЗНЫЙ КОМИССАР

Роздал Влас свое именьице  
Сам остался бос и гол,  
И сбирать на построение  
Храма Божьего пошел.

*Н. А. Некрасов.*

### 1.

Влас грешил — надел вериги  
И пошел себе в народ.  
Ну, ему и в руки книги...  
А теперь наоборот.

Хоть сожри тебя сомненье,  
Совесть выжги до чиста —  
Нет тебе ни примиренья,  
Ни молитвы, ни креста!

А душа живет, как ране,  
Та же мучает тоска,  
Так же плавают в тумане  
Два несродных голоса:

Этот шрашит — тот грозитя.  
Этот манит — тот журит..  
Как же тут не оступиться  
Или власти не испить?

### 2.

Жил себе Назар Косаткин.  
Неказистый был мужик:  
Пропивал свои достатки,  
Говорил — Я так привык!

Но греха, чтобы большого,  
За собой не знал Назар...  
Да и правда, что дурного —  
Понедельник на базар...

Головой стуча о грядки,  
Возвращался он домой.  
Что с такого? Гладки взятки!  
Пьет, ругается с женой..

Но пришло иное время —  
Гром ударил над страной!  
И Назар пошел за всеми  
По советской столбовой.

Не умом, а сильным горлом  
Надрывается Назар.  
И, как видится, «поперло» —  
По уезду комиссар!

Ха! Такое назначенье!  
Плечи носит, как орел.  
— Никому чтобы прощенья —  
Будут знать, что я здесь мел!

### 3.

Городской участок старый  
Мужиками весь забит.  
Стража дует в самовары,  
Пьет, гуляет и шалит.

Места мало. Погреб ренский  
Отвели для богачей.



В нем скучают — бывший земский,  
Два попла и казначей.

У Касаткина в глазенки  
Точно масло налито:  
Деревенской самогонки  
Море-морем испито.

Любопытство подмывает —  
Бред в нетрезвой голове:  
— «Вот возьмет и расстреляет —  
Он Назар! Чего тебе?»

#### 4.

Над пожарной каланчею  
Месяц выгнул свой кадык.  
Тени падают и кроют  
Площадь улицы, сады.

Вот по площади мощеной  
В тишине звучат шаги:  
И железа выступ конный  
И со скрипом сапоги.

Что за странное движенье  
В мутной, лунной белизне!  
Не игра ль воображенья?  
Всадник едет на коне.

И нестройною толпою  
Куча движется людей...  
Держит крест перед собою  
Городской протоерей.

Здесь и земский с казначеем  
И дородный мужичек  
В шаг идет с протоереем,  
Рядом с ним — плечо в плечо.

5.

Вот у леса, за заставой,  
Мягкой зелени лужок  
Блещет лунною отравой,  
Точно выпавший снежок.

Сам Назар наган наводит.  
Выше поднят медный крест.  
Выстрел — пять!.. В тумане бродит  
Эхо жуткое окрест.

Расстреляли и зарыли...  
Но с Назаром чистый грех!  
— Хорошо ль убиты были,  
Закопали ли их всех? —

Мысль тревожит, нудит, щемит.  
Целый день покою нет.  
Стыд какой то перед всеми.  
В голове и страх и бред.

А в глазах с крестом воздетым  
Старичек протоерей  
До гола стоит раздетым...  
Не стерпел — Коня скорей! —

Скачет улицей мощеной.  
Гул и лунная тоска.

Месяц смотрит ущербленный  
Точно меч из-за леска.

Вот он ходит у опушки...  
— Здесь закопаны — дурак!  
Перепил, видать, сивушки  
И запытился, как рак —

И обратно скачет полем.  
Вот заставка... — Нет, постой!  
Как же так? Вели с конвоем...  
Пять всех было... счет простой —

Но тревога к сердцу ближе:  
— Не забыли ль? В чем вопрос?  
Вот оказия поди же...  
Не вернутся ли всерьез? —

И обратно.. Что за склока?!  
Приказать разрыть опять...  
Право уж не так глубоко!  
И вернее сосчитать...

Рассмеялся. Плюнул злобно  
И как вихорь поскакал.  
Лег — не спится. Неудобно.  
Встал в дежурку побежал.

— Петька, что то мне не спится...  
Как то этого.. того...  
Чуть глаза закрою — лица  
И особенно его. —

Петька грубый, молчаливый  
 И незлобивый дурак.  
 С волосами конской гривой,  
 С красной рожей, что твой мак.

Но и Петька перепуган.  
 По спине слегка мороз.  
 Что то делается с другом  
 Некрасиво: — Ты всерьез?

— И потом.. их сколько было?  
 Не промазали ль в кого? —  
 Улыбнулся глупо, криво.  
 — Что с тобою? — Ничего!

— Видно дернул спозоранку!  
 Спать ложись! Чего крутить?  
 Или душу наизнанку  
 Хочешь вывернуть? — Мутит!

— То-то! знать бы нужно ране:  
 Не по росту взял размах,  
 Вот теперь тебя и тянет  
 Непупевый этот страх...

Видно с Боженькою счеты  
 Стал, как видится, сводить.  
 Если взял с высокой ноты  
 Тут, брат, нечего шутить.

Черт тебе велел возжаться  
 С этой сволочью? Приказ

Был тебе не прикосаться —  
Раскатали бы без нас! —

Как оплеванный, Косаткин  
Плечи жмет, глядит как пес,  
Пробегающий украдкой..  
— Я шучу, я не всерьез —

Целый день в бюро возился,  
А в мозгу, что колесо:  
— Сам дурак... поторопился! —  
Хоть опять скачи в лесок.

7.

Ночь. Луна кровавым рылом  
Водит промежду дерев.  
Фиолетовым чернилом  
Налито между кустов.

Тишина. Не шелохнется —  
Не шумит и не стучит.  
У Назара сердце бьется,  
К лесу с заступом опешит.

Пробирается сторонкой.  
Подошел. Нашупал грунт.  
Стукнул заступом лопонько.  
Испугался. Понял — Тут! —

Солнце мажет из-под тучи  
Кистью розовой лесок.  
Мертвецов сложивши в кучу,  
Стал считать, а счесть не мог.

Медный крест, схватив под мышку,  
Бросив заступ, наш Назар  
В перепрыжку, в перепрыжку  
Полею к городу бежал.

А за ним, как людоеды,  
Земский, поп, протоерей  
И мужик и рядом, следом  
Сам кудрявый казначей.

Петька ахнул с перепугу,  
Как Назар, придя к нему,  
Рассказал все тайны другу —  
Что и как и почему.

А когда крестом нагрудным  
Стал размахивать Назар,  
Петька шюнял — спорить трудно  
И товарищей позвал.

Руки за спину скрутили,  
Усадили в тарантас  
И в Калугу укатили —  
В дом помешанных как раз.

В узкой комнатке-коморке  
Доживает век Назар.  
Вот вам повесть жизни горькой —  
Жил-был грозный комиссар.

## ПЕСНЯ ЛЕСА КАТЫНСКОГО

### 1.

Шепчутся ели при полной луне:  
— «Грустно и страшно в родной стороне:  
Заступом смерти изрыта земля,  
Слезы, как росы, смочили поля...  
В людях нет правды, любви не найдешь —  
Всюду насилие, злоба и ложь».

— «Страшно и в нашем Катынском лесу  
В полночь, когда золотую косу  
Месяц взмахнет до зенита небес,  
Жутким кошмаром тревожится лес.  
Видишь, опушкой бесшумно идет  
В лунном сиянии призрачный взвод.  
Сумрачны лица, одежда истлела —  
Страшное здесь совершилось дело.  
Сколько их? Боже! Им нет и конца —  
Все наподбор, молодец в молодца!  
В каждом осанка и поступь солдата —  
Видно, что знали муштровку когда-то!»

— «Ах, как ты, правда земная, бедна!  
Выпита горькая чаша до дна...  
Выпита! Новой уже не нальете...  
Что вам здесь нужно? Куда вы идете?  
Бросьте томить свои бранные кости —  
В русском лесу, не на польском погосте,  
Не на родной стороне — на чужой!  
Должно лежать вам в могиле сырой»...

Слышат ли? Нет! Продолжают идти,  
Хочется им свою правду найти...  
Верят они, что она загорится!  
Но как ужасны пристреленных лица,  
Как холодна, безучастна луна  
Будто с убийством согласна она!

— Знаем, обидно вам горько и больно...  
Только об этом ни слова... Довольно!  
Здесь не поможешь ничем — ни слезами,  
Ни сожаленья живыми словами...  
Делом помочь бы?! Да разве кто в силах  
Тайну открыть об ужасных могилах?!  
Слишком жестока рука палачей —  
Нет против них ни речей, ни мечей:  
Ложь и насилие крепко спаялись...  
Вашему гневу злодеи смеялись...  
Свой то народ раздавили давно —  
Лучшее, ценное — все сметено!!»

## 2.

Шепчутся ели и шепот их жгучь.  
Скрылась луна за завесою туч.  
Тьма охватила леса и поля —  
Трауром черным оделась земля.  
Вот выступает один из рядов.  
Еле заметная проседь усов  
Жутко белеет в сгустившейся тьме.  
Чудное дело — мертвец на коне!  
Так вот, бывало, при жизни, в Варшаве  
Он выезжал и в почете и славе.  
— «Смирно! — командует. Стали в ряды.  
— Больше позора, страшнее беды



Не было в мире... Неслыханный срам  
Выпал на долю бойцам-полякам!  
Нас, точно псов, пристрелили, но рок  
Кровь неповинных к концу приберег.  
Знайте, что в море пролившихся слез  
Наше страдание тоже влилось.  
Скоро, наполнив, его до краев  
Скажет свой суд неповинная кровь!»

Шепчутся ели при полной луне,  
Едет усатый на белом коне.  
Вот у могил он коня задержал,  
Каждому взводу уснуть приказал.  
Завтра, как только потухнут огни,  
В полночь подымутся снова они,  
Лес, как сегодня, кругом обойдут,  
Знают, что в Польше их любят и ждут.

Ждут не дождутся родные своих —  
Сын у отца, у невесты жених,  
Крепко любимый отец у детей —  
Жертвами шали убийц-палачей!  
Ждали бы долго... Но страшную дверь  
Не уберет растерявшийся зверь:  
Миру открылось лицо супостата...  
Чур! наше место свободно и свято!!

Знать не напрасно Катинские ели  
Плакали слезно и жалобно пели..  
Знать не напрасно, кругом в деревнях,  
Сеяла тайна таинственный страх...  
И не напрасно, при полной луне,  
Пан выезжал на маститом коне!!

## ИСПОВЕДЬ ЧЕКИСТА

— «Не гляди на мои гримасы,  
На мое испитое лицо —  
Я во всю себя распоясал  
И тяну, как отраву, вино».

Для меня моя жизнь — пустыня,  
Жизнь другого — сущий пустяк!  
Умерла былая святыня,  
Я хожу на ее костях.

Во мне бредит палач-разбойник,  
Я вселяю в других страх.  
Для меня первый встречный — покойник:  
Его жизнь у меня в ногах!

Почему ты так смотришь глупо,  
Бестолково? Не понял меня?  
Иль зловоние чувствует трупа  
Изощренная нежность твоя?

Не стесняйся, будь откровенен,  
Как я откровенен с тобой..  
Ведь учил нас товарищ Ленин,  
Подарил нас живою брешьбой.

Ведь носили мы, помнишь, знамена  
И кричали мы все, как быки.  
И на Бога ругались ядрёно  
И точили друг другу клыки...

А теперь, будто вырвано что-то,  
Не хватает вот где-то винта:  
И к расстрелам отпала охота  
И не радуется кровь ни черта!!

Пью вино... Что ты бельмы таращишь?  
Или крови заметил мазок?!  
На пригубь! это патаки слаще...  
Это жизни отдавленный сок!

Это кровь... это брызги разгула!  
Это смех! это пьяная дурь...  
Знай! в стакане моем утонула  
Голубая, когда то, лазурь!!»

## СУДЬБА ПОТАПА НАЗАРЫЧА

(Повесть в стихах.)

### ВСТУПЛЕНИЕ

С многими людьми мне приходилось  
На Руси встречаться, вместе жить.  
Многое давно уже забылось —  
В памяти уже не воскресить —  
Но один мне врезался глубоко  
В душу — русский человек, старик...  
Сибиряк, пришедший издалека,  
Как бежавший, крепостной мужик.  
Это мой герой, Потап Назарыч,  
Старичина, чуть не под сто лет,  
Врезавшийся грудью всей, под старость,  
В революцию — в ее кровавый бред.  
По его рассказам и намекам  
Он отведал крепостных времён,  
Но в Сибири стал богат и с проком  
Торговал и был в селе почтен.  
Вся судьба его, как символ горькой доли  
Мужика, мне кажется теперь:  
Было рабство, был просвет, но вскоре  
Из просвета показался зверь.  
Все труды, все потуги к свободе,  
Все надежды растерял старик  
И, упав звериной власти в ноги,  
Озадаченный, не выдержав, погиб.

## I.

Был Потап из всей деревне парень —  
Силища была у молодца!  
Уж кому-кому... Потапу барин  
Доверял любого жеребца.  
У него «перчатка», как железо,  
Обуздает, не упустит — нет!  
Мериться с ним силой бесполезно:  
Если тиснет, то оставит след.  
И «карактер» у Потапа важный —  
Не обидит малого юнца:  
Его ласку знал мальчишка каждый,  
Бегавший с крыльца и до крыльца.  
Барин Бибииков был запьянцовский пан  
И картежник и развратник тоже —  
Редкую девченку из крестьян,  
Ту, которая немного шопригоже,  
Пропускал — так носом и водил!  
Приглянется и пиши пропала:  
Заведет куданибудь в овин  
А не то и в дом под одеяло...  
На проказы барские, конечно,  
Все ворчали, но молчали все:  
Дескать, жить то так и так невечно —  
Хлеб не равен и на полосе.  
Да и лес Господь не уравниал, вестимо —  
Утешались люди при нужде.  
Радость, горе — все проходит мимо  
То в заботах, то в слепой нужде.

## II.

У бобылки Дарьи, чья избенка  
На задах, что прелея копна,

Расцветала боязно и робко  
Дочь красавица — из всех девчат одна.  
Уж не раз засматривался барин  
На девченку, с матерью шутил.  
Жалобы старухи не оставил:  
Как-то хворосту возишко подарил.  
Вот и полюбил Потап Анюту,  
Слово с ней боится обронить.  
Каждый день, до солнышка, по утру —  
Нужно спать, а он уже не спит, —  
Думает, как, где бы повстречаться,  
И решает он и так и то сказать,  
А как встретил, все и позабыл! стесняться  
Начинает: лучше б не встречать!!  
А она, Анюта то, как солнце  
На заре весеней, у крыльца —  
Смех звенит, как звонят колокольца,  
И скрутила девка молодца.  
И чего Потапу ни мечталось  
В его сладостной любви-тоске,  
И какая трепетная жалость  
Теплилась в калужском пареньке!  
Но все грезы, все свои надежды  
Оторвать не мог он от земли,  
Но земля в Анютиной одежде  
И поля в ее платках цвели.  
И все ж грезы были, как не грезы —  
Сила в них Потапова росла.  
Рожь мохнатая, кудлатые березы —  
Все любилося парню без числа.  
И в груди Потапа зрела воля  
Неуемная: бывало вот  
Вдруг сожмется сердце сладкой болью  
И куда то тянет и зовет...

Расходились слухи по народу,  
Что земле в Сибири нет конца.  
— Где земля, там и ищи свободу!  
Так решало сердце молодца.

### Ш.

Закрутили сивые мятели.  
По ночам поземка поползла.  
Хороводы звонкие отпели.  
Заскрипели сани вдоль села.  
Вечереет. Над деревней серо.  
Небо прилетю, что твой свинец!  
У околицы, как горы мела,  
Снег слюится. Из конца в конец,  
Ни души, как вымерло — безлюдно.  
На пригорочке усадьба. Там огни  
Смотрят в ночь... и как то верить трудно,  
Что к несчастью светятся они.  
Да хорошего не жди, конечно:  
Если дом у шана освещен,  
Значит загулял и бессердечно  
Бьет жену и гонит ее вон —  
Подавай ему пригожую молодку,  
Али девушку первую с села!  
Не жадеет пан тогда на водку,  
Лишь бы волюшка утешена была...  
У окна бобылкиной хатины  
Люди топчатыся. Один стучит в окно.  
— Вам кого? — За девкою — смотрины! —  
— К барину в хоромы, а не то...  
В чем была бежит Аня в сени,  
Через двор шмыгнула в темноту...  
Мать к иконам, пала на колени,

Молит Бога... Только по утру  
Разнеслась молва, в набат забили,  
Поскакали на легкой гонцы.  
Точно трубы всюду затрубили,  
Что Потап с Анютой — беглецы.  
Охнул барин и развел руками...  
А Потап то дело смозговал,  
Знать не зря возился с жеребцами:  
По утру пан двух не досчитал.

#### IV.

След засыпали ползучие мятели,  
Лес не выдал, ветер не сказал,  
Процеслись две первые недели —  
Двух людей, как ураган, слизал.  
Год прошел и вовсе позабыли,  
Будто не было Потапа на селе!  
Те же бури, как бывало, выли,  
Так же Бибииков дурил навеселе.  
А Потап с Анютой огрустили —  
Позабыли непутевый страх  
И за Волгу уж перевалили  
На лихих господских рысаках.  
Раз Анюта даже загрустила,  
Вспомнила про мать, родных...  
У Потапа ж сердце, как застыло:  
— Брось, ненужно вспоминать о них:  
С этим кончено и крест поставлен..  
Гденибудь завиться бы домком! —  
За Тобольском к мужикам пристали  
И поехали в юбозе, как в своем.  
Слепи кончились, уперлися в тайгу:  
По порам и пихта и лиственка.



Стали у реки на берегу.  
Речка горная по кличке «Безымянка».  
Кто ее крестил, кто называл?  
По камням шумит и пенит воду.  
Надоело вдаль брести народу:  
— Уж не здесь ли окопаться нам?  
Здесь земля, как видится, родима:  
Лесу вдоволь, травы не-в-прокос. —  
Погуторили — Вестимо,  
Где же лучше то? Благослови Христос! —  
И раскинулись первые палатки.  
Врылись в землю на зиму. Потом  
Появились низенькие хатки —  
Вскорости обзавелись скотом.

## V.

Так судьба свое сыграла дело:  
Знать, Анюта то не даром хорошела  
И Потап ко времени подрос.  
Знать, и барское беспутство нужно было,  
Чтобы солнышко Потапа озарило  
И весной повеяло в мороз:  
Никогда так ясно, так наглядно  
В сердце не стучалась земля,  
Добротой и пестротой нарядной,  
Как в тот час, когда поля,  
Брошенной деревни подъяремной  
Канули в мутнеющую даль —  
Сердце сжала не тоска-печаль,  
А порыв свободы неотъемной.  
И неясные, отрывчатые слухи,  
О земле свободной, без кнута,  
Без вседневной барской оплеухи,

Распахнули парню ворота.  
И земля, как масляная каша,  
Жирная, взрыхленная сохой,  
Грезилась ему в пшенице золотой, —  
Нечужая, собственная — наша!  
То был сон... Но вот она и явь!  
Низко клонится созревшая пшеница,  
И к косе, всем корпусом припав,  
Бьет Потап, — в работе торопится.  
У рубахи ворот отстегнул.  
Пот соленый глаз немного режет...  
Рад, что ветерок пахнул:  
Он ласкает, будто тело нежит..  
Вот пшеничка, так пшеничка! Колос  
Колосу не хочет уступить!  
А зерно, как на два расколосилось  
И на солнце, как алмаз блестит.  
Вороха насыпались пшеницы!  
— Господи! Да думалось ли мне  
Этаким добром озолотиться  
На чужой, безлюдной стороне?! —

## *Часть вторая.*

### VI.

Теплый ветерок над полем веет.  
Облака горят, что горный снег,  
И травой шелковой зеленеет  
Необъятный степовой разбег.  
На плугу отвал, как ртуть живая:  
Солнышко играет в нем.  
Если глянешь, так и ослепляет

Белым острым, солнечным огнем.  
Далеко тайга синевет узкой грядкой,  
А сюда, к нам ближе, пашни и луга.  
Вправо, влево — пестрые зачатки  
Ржи, овса, а дальше, как серьга,  
Искрится стоячее болотце...  
Тростники стоят вокруг стеной.  
Здесь осотник буйный — наколотся  
Очень легко, — весь шумит пчелой.  
И медовым духом тянет сверсту.  
Там вон скирды тучные сенов  
Тычут головою острой  
В золотой барашек облаков.  
Вот куда забросила судьбина  
Нашего Потапа! Эх, судьба,  
Не чуждаясь барского раба,  
Полюбила ты его, как сына:  
Черная земля бежит с отвала.  
Дышется землей и ветром и травой.  
Сердце радуется. Легко ему стало.  
И идет Потап за плугом сам не свой.  
Наконец то сильною ногою  
Он стоял на матерой земле  
И доволен был своей судьбою  
И не думалось о прежнем старом зле.  
Здесь простором залечил он раны,  
Сердце позабыло зависть, зло,  
Месть рассеялась, как по утру туманы,  
И от сердца злое отлегло.  
Будто в стену камеры бездушной  
Вдруг пробили светлое окно —  
Стало сердце разуму послушно,  
На душе и ясно и тепло.  
Все само собой спориться стало.

Первенца Анята родила.  
В коробе на жердочке качала  
И над Васькой песни распевала  
Памятного русского села.  
Проносилось лето, как виденье,  
Были бури зимнею порой.  
Обучилась баба рукоделью —  
Стала бойкой умною женой.  
Дом крестовый, лиственный с крылечком  
И Потап отстроил наюонец.  
Прибралась Анята. Как колечко  
Радует изба то... Бог Отец  
Смиловался, видно, над людьми то:  
И ковры и лавки и цветы...  
И ступенька каждая промыта —  
Нет в Россіи этой чистоты.  
Старая, пропитанная дымом,  
Срубленная косо, кое-как,  
Русская потапова хатина,  
Падала, цепляясь за овраг.  
Все село, покрытое соломой,  
Точно куча прелого наъма —  
Ни уюта, ни удобства дома.  
Летом все-же... а придет зима —  
Ни дохнуть тебе, ни повернуться!..  
А работай, как заправский вол...  
Да тебе еще же и смеются:  
И лентяй и недоумок, мол...  
А теперь Потап не так, что просто,  
А Потап Назарыч — есть почет:  
Прошлое слетело, как короста,  
И пузцо солидное растет.  
И жена раз родила троешку —  
Двое живы, а один замёр —

Мальчик Фрол и девочка Евгешка  
С Васькой первенцем растут на переспор.

*Часть третья.*  
VII.

Богатеем стал Потап, а из «России»  
Как известно, прибыл нагишем  
А теперь пшеницы уйму сеет  
И торгует в лавке с барышнем.  
Старший сын, Василий, по торговле  
Оказался дока — хоть куда!  
Что недостает детине — слов ли?  
Денег ли? Туда - сюда  
Носится, болакает, хлопочет...  
Малый — сила! из лица пригож,  
Если на своем поставить хочет,  
То поставит! Не сорвешься — врешь...  
И отец Василья почитает,  
Всюду тычет парня передом:  
— Васька дока! и в делах смекает —  
С этим мы во век не пропадем! —  
Ну, а Фрол уже не тот — сердечней,  
Послабее Васьки — ум другой:  
Все б стоять, о чем то думать вечно...  
Но парнишка тоже — неслепой,  
Больше к книжкам — к грамоте тянулся.  
Но Потап не взял того всерьез,  
Сам то он над книгами не гнулся,  
А работал в жар, как и в мороз.  
И частенько выходили с сыном  
Неполадки и тогда отец  
Подчивал лентяя хворостиной,  
Ну а все-же вырос славный молодец.

Хоть к торговле не имел охоты,  
Ну, а плуг в руках держать умел.  
К двадцати летам солдатик плотный  
Из него на радость всем созрел.

## VIII.

Как въезжаешь только в Перестромы,  
Церковь белая кидается в глаза.  
Избы то не хаты, а хоромы!  
В горницах ковры, цветы и образа.  
Вон большой домина на отлете  
Под железо, а навес под дрань...  
Все семейство на задах молотит.  
Вон старик идет к воротам... Глянь!  
Не узнать Потапа... Где там?!  
Борода по пояс, черный коротыш,  
Острый глаз из-под бровей — как гетман,  
Важный... С этим не сшалишь.  
И хотя уж за восьмой десяток  
Завалило, а и бодр и прям.  
Не дает потачек и повадок  
Ни жене, ни кровным сыновьям.  
И жило семейство крепко, сытно —  
Согласится можно б на сто лет,  
Незатейливо, а самобытно.  
Ваське стало за сорок — атлет!  
Фрол в солдатах, а Евгешку замуж  
Выдали в соседнее село.  
Было горе — схоронили маму,  
Но хозяйство пуще расцвело.  
Взял Потап бабенку помоложе —  
Хоть и стар, а зуд еще в костях!  
Отгуляли, как гуляться может —

Месяц целый гости и в гостях...  
Через год ни ждали, ни гадали —  
Прискакал из волости гонец:  
Грянул гром — война, какой не ждали:  
— Немец драться хочет! — Вот, стервец! —  
Слезы, плач. И Фрола проводили.  
Вся деревня шоголовно шла.  
Мужики крестились, бабы выли,  
Чувствовали все — беда пришла...  
И пошло шуметь, пугать и майть...  
Будто бы и в гору шло сперва —  
Слух дурной, слух худший догоняет:  
На войне не клеются дела.  
Надломилось у царя терпенье,  
Али тормаз подвели ему —  
Только вдруг царево отречение!  
И не верится как будто никому...  
И Потап шоскреб слетка в затылке.  
Фронт разъехался и Фролка прикатил.  
Новому порядку за бутылкой  
Самосидки старика учил.  
Морщился Потап, потом раздумал, будто  
Вспомнил он невольню старину,  
Как ему в «Росsee» было круто.  
— Так уж нужно... видно быть тому! —  
— Поглядим... оно, конечно, было,  
Есть на сердце лут и у меня. —

## IX.

Революция. Село заговорило:  
Без собраний не проходит дня.  
Все как будто разом угорели  
И на сердце радостно у всех.

Старики и те помолодели.  
Все смешалось — и добро и грех.  
Здесь убийства — там слова свободы,  
Красные тряпички на шестах.  
Люди новой боевой породы  
С ненавистью жадною в глазах  
Появились всюду. Всюду споры,  
Доказательства, насмешки, брань —  
Старые припомнились раздоры!  
Воровство, беспутство. Где не глянь,  
Всюду хмель разгула, буйства, блуда —  
Кровь и смех. Законы и права —  
Все пошло торжественно на смарку.  
Ленин правит. То-то голова!  
Подымает выше всех кухарку.  
С паровозов, с бочек, с пьедесталов,  
С кучи щебня, даже с крышь  
Крик во славу новых идеалов.  
Знай кричи, пока не захрипишь!  
До деревни Перестромы это  
Долетело поздно, кое-как, —  
Все таки отведали совета  
И на сходках стал кричать бедняк.  
Флор с отцом разок-другой ругнулся,  
Всю деревню за собой повел!  
Не надолго только... Здравые порядки  
Ввел Колчак и все пошло, как встарь...  
Многие от белой власти взвыли.  
В деревнях пошла подпольная борьба.  
По заимкам и в тайге бродили  
Красные. Не мало их тогда  
Убежало в лес от верного расстрела,  
Люди жили, как медведь живет,  
И оттуда часто, то-и-дело,



Нападали, грабили народ,  
Проливали кровь и издевались  
Над предателями — были! но верней  
Дикостью своею упивались  
Над страданием пытаемых людей.  
Кровь сочилась всюду, как вода,  
Жалости к врагу — нисколько!  
Люди были просто овода  
На соломенку наткнутые и только!  
И, конечно, жил в деревне страх.  
То на печке спал он, то под лавкой,  
Каждый чувствовал себя в его руках  
Никому ненужною казьявкой.  
Сколько мог Колчак боролся с ним.  
Рассылались по тайге отряды.  
Страх же рос и был неодолим,  
А разбойники стреляли из засады.  
Слухи всякие плелись по деревням.  
Фрол совсем определился левым  
И, где можно было, — тут и там —  
Занимался пропагандным делом.  
Двадцать семь ребят, а он восьмой,  
Были взяты в волостном районе  
И, конечно, не пришли домой.  
Фрол на кладбище был чинно похоронен  
(Пожалели, видно, старика)  
А старик при колокольном звоне  
Поклялся у ног большевика  
Отомстить. С тех пор, лишь в доме  
Тишина и мрак закружат пляс,  
Он томится в злобе и истоме,  
Сучит кулаки и щурит левый глаз.

## Часть четвертая.

Ночь... Лампада догорает.  
Робкий свет и тени по стенам.  
А Потап Назарыч по ковру шагает.  
То от двери, то опять к дверям.  
Тихо, пусто — даже жутко в хате...  
Свет луны спускается в окно  
Будто шлейф от шелкового платья...  
А в углах, где нет икон, темно.  
И предчувствие на сердце, как тревога,  
И безликий длиннорукий страх  
Крадется к Потапу и так строго  
Свет малиновый мигает в образах.  
Обрамленное причесанными гладко  
Волосами, смуглое лицо  
Смотрит на него, как вечная загадка...  
До плечей завитые в кольцо,  
Господа волосья ниспадают.  
Под высоким благородным лбом  
Два огня, глаза Его, сияют  
Не простым — божественным умом.  
Перед этим образом святым,  
Писанным душой, а не руками,  
Обессиленный привычными грехами,  
Злой Потапыч каяться любил.

## Х.

В смежной комнате дыханье слышно бабы...  
И вот этот самый бабий сладкий храп  
Раздражал Потапа. — Ах, когда бы  
Мог он жизнь переменить... когда б!!  
Что-то душит, давит, нет покоя...

Прожито! Но так ли прожито?!  
Он богат... В богатстве ли святое,  
Что с таким усердьем нажито?  
И усердие ль одно тут было? —  
Был обман и ложь — все тут было!  
Злому, доброму служила сила,  
А теперь к итогу подвело:  
— Кто судить нас будет, кто рассудит?  
Разве Фрол то мой желал народу зла?  
Почему убили? В трубы трубит  
Вот об этом самом пол-села.  
И в уме прикинуть, если скажем,  
Нету в жизни светлого пятна  
Над которым бы шорадовался разум...  
Революция пришла, а чья вина? —  
И забытые воскресли вновь обиды,  
Точно язвы вскрылись, стали жечь...  
Ничего старик вокруг не видит,  
Успокоиться не может, чтоб прилечь.

## XI.

Ходит. И опять он Фрола вспоминает:  
На сходу галдеж и крик...  
Фрол, конечно, крепко насаждает  
На зажиточных — нанюхался из книг:  
Мало ли на свете нешутевых,  
Зарапортовавшихся писак.  
Сам Назарыч то, конечно, не дурак,  
Барыша не видел в бреднях новых,  
Сына так и так предупреждал...  
Доходило дело до разлада.  
Фрол же в бешенстве отцу в лицо кричал:  
— Мне награбленного твоего не надо! —

Оскорбляла сердце старика  
Эта грубость... Но прощал он сыну,  
Знал, что правда хоть невелика,  
Ну, а все-таки верна наполовину!  
И душа страдала мужика...  
Ну, а вот, как Фрола расстреляли,  
Правда Фрюлова так выросла в глазах  
У Потапа, что его едва ли  
Мог бы кто утешить... Не за страх  
А за правду он вцепился крепко  
В новые порядки, как сдурел!  
Большевик такой великолепный  
Всем на удивление созрел.

## XII.

Точно мать, вынашивая плод,  
Носит старый жажду буйной мести.  
Слушает, что говорит народ,  
Подмечает и слушки и вести.  
Докопался старый, наконец,  
И до тех, кто выдал его сына!  
Так ли было, нет ли! но отец  
Загорелся мезтью гражданина:  
— Нет родни и дружбы нет — все к черту!  
Раз борьба, так уж борьба: Держись!!  
Люди всякого бывают складу, сорту...  
Если я возьмусь, то сторонись, —  
Думал он день ото дня все крепче.  
А душа совсем пошла враскос:  
Совесьть доводы совсем иные шепчет, —  
Ведь не так учил людей Христос.

### XIII.

Как мешок Назарыч на колени  
Подает пред юбразом Христа:  
Грешен он, но праде не изменит —  
Ведь недаром он поклялся у креста!  
Человеческой ненужной дикой злобе  
Продал душу он и потерял покой...  
Фролу что? лежит теперь там в гробе  
Грешный он, пускай, или святой..  
А вот он, Потап, другое дело,  
Им земля еще руководит...  
Правда божия в душе то потемнела:  
Может ли он недругу простить?!  
Пусть сам ад свои раскроет двери,  
Он не может отступить назад.  
Хоть он Господу и правде его верит,  
Но он здесь в рядах борьбы солдат!  
Свет и ласковость душе его понятны,  
Но зачем же в нашем мире меч?  
Не за тем, чтобы позорно лечь  
И принять без гнева мир превратный.  
Раз борьба! то значит быть борьбе!!  
Милосердие к врагу есть упущенье!  
И он просит у Христа прощенья,  
Но и помощи божественной себе.

### XIV.

К осени пришел слухек неясный,  
Что Колчак от Омска отошел,  
Что бороться с красными напрасно --  
Цели нет! Назарыч, как расцвел,  
И морщины по лицу лучатся

И в глазах орлиные огни:  
— Час придет за Фрола расчитаться,  
Дасть Господь — ютпразднуют они. —  
Старший сын Василий стал угрюмей,  
Час от часу все невеселей:  
У него свои заботы, думы —  
Красным он не верит. — Дуралей,  
Говорит Потап — пойми, здесь ясно...  
Ты не кушал барского кнута  
И, как вижу я теперь, напрасно...  
— Брось, отец, вся эта беднота  
Ничего хорошего не может  
Принести, хотя бы, скажем, нам.  
Ну и Фрола расстреляли.. тоже  
Бестолку носился, зря болтал...  
Говорят теперь в Москве порядок —  
Сказки это, думается мне...  
А до сказок наш мужик то падох —  
Дым пускают — ложь одна вполне. —

## XV.

Очумел старик, не верит сыну,  
Доводов не слушает лето.  
Ну, а держится, как раньше за полтину,  
Уступить не хочет своего.  
— Брось, Василий, глупости судачить  
И при красных в силе будет грош.  
Без копейки государство плачет,  
Дня, поди, без денег не живешь?  
И дурит Потап Назарыч даже,  
По прилавку ерзает пузцом.  
Покупателя старается уважить  
Ситцем плохеньким, разбавленным винцом.

## Часть пятая.

### XVI.

Вечереет. Над деревней Перестромы  
Тучи серые одна к другой,  
Будто бы тяжелые паромы  
Бороздят свет неба голубой.  
Снег, подхваченный шальным шурывом ветра,  
Барабанит в стекла, как крупой,  
От зари еще немного светло,  
Только свет совсем уже слепой:  
Грустно, потухающей каемкой,  
Млеет где-то за седой тайгой.  
Но не странник с белою котомкой,  
В ухе с медною, от глухоты, сергой  
Двигается дорогой к Перестромам —  
Первый отступающий отряд  
На конях въезжает. Дом за домом  
Наблюдает въехавший казак:  
Озираясь, ищет где укрылся враг.  
Для него все равны — брат ли, друг ли.  
Приказали кончить — значит так!...  
Все попрятались. И наш герой украдкой  
Смотрит из окна, как входят «палачи»,  
И тревожной ненавистью сладкой  
Старое он сердце горючит:  
— Вот они, соколики, входите!  
Знать не выдержали, черт вам в лоб!  
Красные возьмут, вот, погодите —  
Всем вам будет, окаянным, гроб. —

## XVII.

Уж от Омска все дороги  
Запрудили белые войска.  
Неприветливых степей раздол пологий  
И бескрайная, незрячая тоска..  
День и ночь, гонимые незримым,  
Где-то далеко маячущим врагом,  
Мчатся бешено, плетутся мимо  
Городов, селений человек с конем.  
Ночью улицы деревни запружены —  
Пушки, кони, пулеметы, скарб...  
Крик ночью. В испуге ходят жены:  
Страх преследует солдатских грубых лап..  
С вечера наряды, ночью сборы,  
Равно по-утру, до солнышка, отъезд —  
И опять ложины косопопы,  
В истороне отметка — жуткий крест..  
Ветер буйный, ледяной, упорный.  
А дорога в белизне степной,  
Точно змей, своею кожей черной,  
Шевелится и блестит порой.  
Перед Покровом проехал Перестромы  
Главный отступающий отряд. —  
Люди прятались, отсиживались дома —  
И все же расстрелял двух ребят:  
Думали большевики въезжают,  
С красной тряпкой вышли помахать..  
Грянул залп... Ошибки не прощают!  
Взвились плети, раскатился «мат».  
В окнах робкие мелькают тни —  
Любопытство побеждает страх.  
И бледнеют люди, если в сени  
Забегит обутый в сапогах.



К вечеру ушел отряд, но жуткий,  
Тлеющий на сердце жил испуг,  
Удлиняющий тревожные минутки  
За жену, детишек. Как-то вдруг  
Зло с бессилием, как яма,  
Зев открыли и глядят в глаза  
Неподвижно, холодно, упрямо —  
Нет тех сил, чтоб зверя обуздать...

## XVIII

Трое суток шли отряды белых.  
День и ночь под окнами галдеж.  
Все попрятано в подвалах, но от смелых  
И в подвале не убережешь.  
Лошадей угнали на заимки.  
В хатах жуткая отъезда пустота:  
На воза несут мешки, корзинки,  
В отступлении берут свои места.  
Плач, ругательства... Без света  
Едут люди вслед другим людям...  
Почему, зачем? Ответа  
Не ищите — жуть по деревням!  
Отступающие в бегстве ждут спасенья,  
Остающиеся ждут своей судьбы.  
И идет, кружит без промедленья  
Колесо кровавое борьбы.  
Отступили.. Трое суток было  
Тихо, мирно — передышки миг!  
Солнышко вставало, заходило,  
Исполнял свой мирный труд мужик.  
Многие шутили не без яду:  
— И без власти можно б было жить...  
Принесет их черт сюда... досада! —

— Что поделаешь? Так, значит, нужно быть!  
И почесывали сытые загривки.  
Было утро. Солнышко взошло,  
Тучки теплились с востока точно сливки,  
Снег синел, как в крынке молоко.  
У окна сидел Потап Назарыч,  
Пил чаек. Дымился кипятилок.  
Отдохнул старик сегодня за ночь,  
На жену глядит, как на цветок.  
И живую шутку под усмешкой  
Можно прочитать — хитрой намеком!  
Хоть и стар, но человек он грешный:  
Наезжал не на один пенек...  
Но сорваться не успело слово  
С ласково помолодевших губ,  
Под окном раздался крик суровый  
И мелькнул заиндевший тулуп.  
И вдруг, прямо под окном, на дравке  
Заплескался красный, жидкий флаг,  
Как платок на распутящей девке,  
И шаги слышались в сенях.  
Распахнулась дверь. В шинели черноусый —  
Офицер, солдат ли — где понять:  
— Здравствуйте, а завтрак, видно, вкусный...  
Гонимся, да где их, черт! догнать...  
— Проходите, вот и гостенечки!  
Слава Богу, наконец то, вот... —  
У Назарыча улыбкой полон рот,  
Пиво цедит сам из лучшей бочки.

## Часть шестая.

Белые ушли. О них забыли.  
Все без дела ходят, что-то ждут.  
Новый гимн уже на сходке выли  
И подсчет уж кулакам ведут.  
В волости товарищи осели,  
Те, которых не подмел Колчак.  
И наганы и штаны надели  
И копаются уже в чужих вещах.  
Главный между них Замков отважный,  
Бывший вор — тамбовский конокрад —  
Битый мужиками неоднократно,  
Новой власти сумасшедше рад.

Мужики туда-сюда, но жутко...  
И не знают как, куда ступить:  
Перед каждым страшная минутка  
И вопрос, как дальше будем жить?!  
Он, мужик, не против власти... ясно!  
Но поймет ли власть его — вопрос!...  
Шаг свой сделать каждому опасно  
И всем кажется, что жизнь пошла в откос.

Но ученые интеллигенты наши.  
Их в деревне — раз, два, три... и все,  
У кровавой возятся «шараша»  
С коммунистами заправскими в числе.  
За спектаклем новые спектакли,  
Вечера и вечеринки — шум...  
Читки, пенья, танцы! Так не так-ли  
Каждый хочет показать свой ум.  
Наш Потап Назарыч тоже  
Примыкает почему то к ним.

Беспокойство и его тревожит,  
Но сознаться пред собой самим  
Страшновато... Он как будто весел,  
Зазывает выпить вечером.  
Выпивает. Скоблит зад у чресел  
И с наливкою мешает самогон.

Нажигает русская гармошка.  
Молодежь чичеткою шалит.  
Выпит можно много и немножко —  
Ровно столько, сколько можно влить!

Лунный свет ворожит над деревней.  
Даль мутнеет и рябит в глазах.  
Чудится, что змей, какой-то древний,  
Притаился в голубых потьмах.  
Шорохи пугают — встречи тоже...  
Знает каждый, что кругом разбой.  
Ненависть с боязнью сердце гложут:  
Разгадай, попробуй — свой, не свой.  
Крик в ночи, как в яму упадет.  
По утру ползет дурной слушѣк.  
И растерянность испуганно гадает  
Где, кого подкараулит Рок.  
И глядишь звериными глазами.  
В муть ночную, в глубину домов  
И за черными, безмолвными стенами  
Видишь свеже пролитую кровь.  
И синодик полный именами  
Убиенных за какой то грех  
Неотлучно, тут же под руками,  
Любопытство вызывает всех:  
Каждому найти свою страницу  
Не хотелось бы, но разве не она

Под рукою нервной шевелится  
Представлением кровавого пятна?!..

И богач, и бедный — все в испуге.  
Скрыться бы, да скрыться то куда?!  
На хозяев косо смотрят слуги —  
Так безжалостно, как раньше никогда.  
Под танцульки — шепчутся доносы.  
Власть дурачится: злорадный смех и пляс,  
Пьянка дикая, разбойничьи тосты  
И, как туча, гнев нависших масс.

## XX.

Расколосось сердце у Потапа.  
С образа Христос глядит в глаза.  
Тут же чудится ему замкова лапа —  
Видно, как растет и близится гроза.  
Вспоминает он порою Фрола.  
На груди лежит больной надрез.  
И понять не может произвола  
И не может осадить назад.  
Разве Фрол то говорил неверно?  
Разве он, Потап то, впал в обман?  
А на деле будто бы и скверно:  
Почему гоненье на крестьян?  
— Ну, а клятва? Разве перед Богом  
Я солгал? Не может быть того!  
Грешен я, конечно, и во многом,  
Ну, а чтоб от слово своего,  
Данного у гроба при молитве,  
Отказаться — это уж того...  
Думайте об этом, как хотите —  
Отомщу я Фрола своего. —

От порога до окна шагает  
Злой старик и точно каждый слух,  
Сплетню каждую теперь припоминает:  
Сарина и Чуркина — их двух,  
Он виновниками главными считает  
В смерти Фрола. — Подождите, что ж...  
Час пришел моей расплаты, спросим... —  
И решил старик шукнуть в ревком:  
Разобрать де это дело спросим —  
И шукнул... И снова над селом  
Собралися тучи.. Прискакали  
В ночь глухую злые молодцы,  
Чуркина и Сарина убрали —  
Точно в воду канули концы.  
Утром прибѣжал к отцу Василий,  
Сам не свой, белее полотна:  
— Тятенька, вы Господа забыли...  
Это вы? — Но не моя вина!  
Раз зачали этакое дело,  
Я при чем? Я клятву Богу дал  
И гляжу на образ Божий смело. —  
Говорил старик и все шагал,  
Точно маятник от печки к стенке.  
Наконец уселся. — Замолчи! —  
Кулаком ударив по коленке,  
Заорал он сыну. — Палачи,  
Получайте по своим заслугам...  
Пусть душа моя поступить в ад!  
Говоришь, что Чуркин был нам другом —  
Другом был, да повернул назад!  
Фролка то нехудо тоже метил...  
Ты не нюхал барщины то... нет!  
А я нюхал! и тотчас же сметил,  
Что не все в словах то красных бред! —

## XXI.

Вечером приехал из ревкома  
Сам Замков. Кутили до зари.  
Не жалел Потап Назарыч рома:  
— Пей, ребята, пили же цари! —  
А на утро слух пошел тревожный,  
Будто бы Василья ждет черед:  
С Чурикиным болтал неосторожно —  
Кто их знает, черт их разберет...

### *Часть седьмая.*

## XXII.

Ночь глухая. Ставни на запоре.  
Избы в мраке, будто сундуки.  
Но в ревкоме, там — на косогоре,  
Красные мигают огоньки.  
Где то лает нехотя собака,  
Кто то шлепает еще впотьмах.  
Время жуткое, подумать можно всяко:  
Подозрительность у каждого и страх.  
Там, видать, в ревкоме ходят люди.  
Вон сидит какой то за столом,  
По бумаге ерзая пером,  
А другой, как маятник, все ходит,  
Потому то каждый фаз  
И окно моргает будто глаз,  
Когда он перед окном проходит.

Развалившись на чужом диване,  
Шапку заломив, прищунив глаз,  
Сам Замков командовал делами,

Диктовал по волости приказ.  
И ругался между прочим: — С ними,  
Мать их так, что круче, по верней...  
Бедняками стали! все такими,  
А у каждого за пазухою змей.  
Я их всех в дугу согну! Пусть знают,  
Что совет не босинький Христос!  
Ведь они и сами понимают,  
А ломаются, все ждут — пойдет враскос...  
Не дождутся, мать их так! охрнят... —  
Где-то выстрел... Звон стекла... Шум, крик...  
Тот, кто у окна ходил отпрянуть  
Не успел, упал на половику, —  
Все лицо и голова разбиты.  
Кровь сбегает на пол ручейком...  
Заорал Замков — Бандиты!  
Всех вязать и под допрос в ревком!

### XXIII.

Загремели в полночь тарантасы.  
Под верхами четко бьет галоп.  
Едут выловить из общей массы  
Тех, которым предначертан гроб.  
Спят деревни, спрятанные мраком,  
Притаились в тишине и тьме...  
Даже нет охоты выть собакам,  
Как водилось вперед по старине:  
Знать привыкли к шорохам и вскрикам,  
К одиночным выстрелам, словам,  
К стуку о железо по калиткам,  
К неожиданному шуму тут и там.  
Засновали тени меж построек,  
Замелкали огоньки в домах,



Заскрипели доски русских коек —  
Стон и плач послышались впотьмах.  
Увезли намеченных и стало  
Еще глуше и темней в стенах.  
Ночь прошла и нехотя, устало  
Заискрилось солнце в полынах.  
Прибежал по-утру от Василья,  
Хоть и трусил двор перебежать,  
Старший внук Потапа. Точно крылья  
Выросли в тот миг у старика,  
Как узнал, что взяли и Василья.  
Побледнел, насушился слегка  
Да как рявкнет: — Заложить конячку  
Погляжу какой-такой закон! —  
И погнал коня кнутом... В стоячку  
На гору летит, как под уклон.  
Прискакал. Как зверь глазами мечет:  
— Где Замков? — В чем дело? — Где  
закон?! —

По ревкому носится, что кречет:  
Он покажет! он, Потап Назарыч — он...  
Поднялся галдеж. Из двери  
Показался тут же сам Замков,  
А Потап Назарыч ему — Звери!  
Пить народную зачали кровь?!  
Я, мой сын — мы разве против власти...  
Я пожертвовал уж сына одного  
Ради вас! Я принимал участие  
В вашем деле — против своего  
Ощетинились! Так я на вас управу  
Отыщу! мы знаем кое-что.  
За врагами ты веди облаву —  
Нас оставь! — Ты что это, старик, того...  
Распоясался, да вижу я некстати —

Усмехаясь, оборвал Замков,  
Чувствуя себя в своей палате  
И среди своих отборных молодцов.

#### XXIV.

Ночь. Давно уже уснули люди,  
Но Потап Назарыч все не спит.  
Что то страшно: вспоминает, судит  
Сам с собой, как с кем то, говорит.  
Окна черные, что грифельные доски,  
Лампой освещенные блестят.  
Пол, ковер, что черные подмостки,  
И глаза, глаза — их тысячи глядят..  
— Ха! — вдруг крикнул наш герой сердито,  
Губы сжал, обвел глазами круг,  
Лоб потер и этак деловито  
Озабоченно поморщился и вдруг  
Засмеялся. Осветились светом  
Станным диким мрачные глаза,  
Как зарницею вечерней поздним летом,  
Когда к полночи готовится гроза.  
Поглядел на образ. Ждал с минуту.  
Пустота сгущалась, страх тупел.  
— Не простишь разбойнику и плуту?!  
Не простишь... Затрясся, побледнел  
Стал на цыпочки, прислушался к дверям  
И пошел, руками шаря стены,  
По глухим заставленным сеням,  
Задыхаясь слюною пенной.

#### XXV.

Крепко спали люди. Невдомек  
Было всем, куда ушел хозяин...

И зачем бы в ночь уйти он мог?  
Но с утра схватились. У украин  
За деревней бегали... Жена  
С поисками очень торопилась,  
Падала пред образом, молилась,  
Но от страха трещетала все-ж.  
Отослала внука до ревкома:  
— Может там уже сидит... найдешь...  
Может быть слоняет у знакомых...  
Внук вернулся — не сыскал нигде.  
У Замкова побыл. Тот смеялся:  
— Не болтается ль в сарае на слеге? —  
Озорно и злобно догадался  
Подчеркнуть свой радостный азарт,  
Ненависть и классовую злобу,  
Бывший друг, любитель водки, карт  
И кошуинства. Точно глянул в воду  
Этот дикий, красный озорник:  
Незначай наткнулись на Потапа —  
В бане собственной повесился старик.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Жил Потап Назарович величаво.  
Правил домом. Делал, что хотел.  
Жизнь была не шутка, не забава —  
Ну, а он управиться умел!  
По хозяйству всюду был порядок,  
Чистота, степенность и закон.  
Был мужик неплох, но мир стал гадок —  
Потому то и сорвался он.  
Знать чего то не было в Потапе  
Нужного к защите и к борьбе

Против тех, кто держит в красной лапе  
Весь народ, хоть жил и по-себе!  
Знать, уверенности не было солидной.  
В правоте ювоей и ослабел.  
Тяжело мне, за него обидно:  
Не по-своему стал думать — одурел...  
И, поверив, доброте лукавой,  
Стал стыдиться своего Творца:  
Не продумал он свое земное право,  
А небесному служил не до конца.

Что ж поделаешь... Перевернем страницу,  
Прошлому отдав земной поклон!  
Жизнь творит за былью небылицу,  
Но в душе всегда один закон.  
Вечен он! Не будет ему смены:  
Покориться мы не можем злу.  
И мы жаждем дивной перемены —  
Мы, идущие, с Христом на сатану.

## Р О Д И Н Е.

Мою песню печальную, стройную  
Я пою над твоею могилою.  
Как обеднею заупокойною  
Поминаю тебя, мою милую.

Ах! не ты ли мне душу певучую  
Подарила своими просторами?  
Приучила к живому созвучию  
Приласкала печальными взорами.

И не ты ли мне сердце тревожила  
И греховностью совесть мне мучила!  
Дочего ж ты, безгрешная, дожила...  
Видно боль твоя миру наскучила.

На дыбы стала сила греховная,  
Потекла кровь невинная, русская.  
Где стыдливость девичья скромная,  
Где ты песня народная, грустная?!

Самодурство без меры развязное,  
Непочтительность, злоба разгульная —  
Все похабное, гадкое, грязное,  
Неприличное и богохульное.

В твои светлые очи плеснулося  
И враги твое тело измучили..  
Только сердце мое откликнулося —  
Твою боль обрядило в созвучии.

## О Т В Е Т.

Мы можем многим похвалиться,  
Над многим мы должны скорбеть...  
Быть русским — искренно молиться,  
Быть русским — от души пропеть.

Жизнь перепутана, все жжется,  
За все хватаем мы рукой.  
А мир то злится, то смеется  
Над нашей русской слепотой.

Мы только дети, но буяны:  
В нас хаос дикий бьет ключем.  
Мы топчем русские бурьяны,  
В мир упираясь плечем.

По темноте за всех страдаем,  
Но сила распирает грудь —  
То создаем, то разрушаем —  
Вперед! Борьба наш верный путь.

В слепом азарте дикой мощи  
Мы храмы рушили, дворцы,  
Святых мы оскверняли мощи —  
Мы, вдохновенные слепцы.

Теперь мы связаны лукавой  
Обманной сетью новых пут.  
Нас снова ждет размах кровавый —  
Нас наши звери не сожрут.

О, мы найдем свою святыню,  
Свои законы проведем,  
И с русских храмов паутину  
Метлой железной обметим.



## П У Р Г А.

(Былина)

### I.

Задурила, закуралесила  
Пурга дикая, безглазая.  
Ей, как дьяволу, стало весело  
Свои песни петь несуразные.  
И поет она, пляшет, кружится:  
«На всю мощь хочу натужиться —  
«Все могилою сделать белою,  
«Что затеяла, то и сделаю!  
«Нет сильней меня Пурги-вольницы:  
«Под моей ногой леса клонятся,  
«На спине моей ураган сидит..  
«Где пройдет Пурга — там пути не быть!»

### II.

У окна сидит мужик-боготырь.  
Собрался Назар итти в монастырь:  
Помолиться Богу хочется,  
Пусть весна назад воротится.  
Нельзя мужику без весны дышать,

Привык мужик косить, пахать,  
Возить снопы, молотить, молоть —  
Так назначил сам Христос-Посподь.

Вот идет богатырь на улицу.  
Пурга бьет в лицо, а он жмурится,  
Рукавицею прикрывается..  
А Пурга над ним издевается:  
— «Ха, ха, ха! богатырь лихой,  
«Ну а смысл у тебя и совсем плохой:  
«Супротив меня чем ты борешься?  
«Помахай мечем — уморишься!  
«Для меня, Пурги, нет припятствия —  
«Ступай к шопу под причастие!  
«К чему твой колчан, твоя палица?»  
Идет богатырь — почти валится,  
Мушкетерскою силой греется  
И на Господа надеется.

### Ш.

Во глухом лесу, в юбители,  
За Христову веру ревнители,  
Божьи схимники беспокоятся,  
Вкруг наложь стоят, Богу молятся.  
Беспокоятся, тревожатся —  
Православному народу неможится.  
Потерял он дорожку пробитую  
Христианскою молитвою.

Еще пуше Пурга затучила,  
Уморила Назара, измучила.  
Не видать ни зги, ни крошечки..  
Заломило мужику под ложечкой,

В ногах истома усталости,  
Не жди, богатырь, к себе жалости,  
Поналяж плечем, грудью, теменем!  
Неплохим ты брошен семенем,  
Недурною почвой выношен —  
Долг святой несешь — будет выполнен!!  
За тебя святые Богу молятся:  
Твоя волюшка да не сломится!

Тут налег богатырь грудью дюжею,  
Отыскал, нашел силу нужную,  
Вперед идет, упирается,  
Вокруг себя озирается —  
Будто тут вот путь - дороженька:  
— «Выносите меня мои ноженки,  
«Помолюсь, причащусь во смирении  
«И пошлет Господь примирение!»  
Не под сводами ль храма старого  
Горят свечи воску ярого,  
Поют схимники-ревнители —  
Ждут желанного в обители.

#### IV.

Сатанит Пурга, вздымается,  
Даже в самый храм врывается.  
По свечам бежит, задуть наровит  
И тревожный свет по стенам дрожит.  
А портреты святых иконные,  
В ризы ценные облаченные,  
Смотрят прозно глазами строгими  
Над молящимися немногими:  
Не хватает меж ними соратника,  
Мужика Христова ратника.

Не хватает его ревнителя —  
Христианской правды хранителя.  
Придет мужик помолится —  
Станет мир опять, как горница.

Пали старцы ниц, Богу молятся...  
Колокольный звон не звонится.  
Упал звонарь, измучился,  
Монастырь Пургой затучился.  
Не найти пути, направления —  
Заблудившимся нет спасения.

Идет Назар, надрывается...  
Вдруг на стену он натывается!  
Вдоль стены идет — дверь нащупалась..  
Радость в сердце его отаукнулась.  
Поналег плечем со всей силушки,  
Напряглись его кости-жилушки —  
Распахнулась дверь железная,  
Как хозяйюшка любезная.

Вошел богатырь, озирается.  
К колокольне бежит, подымается.  
Звоноря оттащил к месту волоком —  
С новой силою бьет он в колокол.  
Ударил раз — задрожала медь,  
Ударил два — вовсе стала петь,  
Ударил три — окрест гудит,  
Народ во храм валом валит.

Бежит богатырь к настоятелю,  
За народ перед Богом ходатаю.  
На колени упал, стал он каиться.  
Настоятель к нему наклоняется,

Кладет руку свою, как восковую,  
На головушку на бедовую:  
— «Вставай, богатырь, все прощено,  
«Все невольное отпущено:  
«А вольное отмолено!»

Прощен богатырь, слезно молится...  
Колокольный звон сам ли звонится?  
Звонарь-старик подымается,  
Весна идет, обряжается.  
В окна шлет холсты света райского  
А лугам, полям тепла майского.  
Берет Назар плуг да борону,  
Делит труд с конем своим поровну.  
Борозду ведет широкую,  
Просторную да глубокую:  
Нельзя мужику без земли дышать!  
Привык мужик косить, пахать,  
Возить снопы, молотить, молоть —  
Так назначил сам Христос-Господь.  
Откружись ты, Пурга дикая,  
Вновь отстроится Русь великая.

## МОЛОДЕЦ.

### 1.

На крутом берегу, над речкою  
Сидит молодец с уздечкою...  
Глядит на волну, задумался,  
Почернел он вес, осунулся!  
Знать тоска гнетет неизменная:  
Тяжела ты, жизнь, подъяремная!  
Тяжела она разбитая,  
Неопрятная да несытая...  
Нелюбимая, несогретая,  
Точно нищенка раздетая!

— «Ах, куда ты волна, зачем катишься?  
«Далеко уйдешь, не воротишься:  
«Свою буйную душу темную  
«Унесешь ты к морю Черному!  
«Море темное, бездонное,  
«Необъятное, непокорное,  
«Приласкай мою волю дикую —  
«Необузданность великую.  
«Успокой, утоли жажду буйную  
«Беспредметную, разгульную!»

По заре ношут топот слышится..  
Молодцу легко, вольно дышится.  
Пыль столбом дымит, расстилается,  
Алым облачком подымается.  
Вот и степь уже необъятная..  
— «Эх, ты, жизнь моя непонятная!  
Ворожбою ль ты искалечена  
Иль судьбой лихой отмечена?!  
Но кипит во мне сила рьяная  
Необузданной волей пьяная!»..

## 2.

По степи молва — смятение:  
На господ-бояр гонение.  
Поднялася голь перекатная,  
Кровожадная, развратная.  
Распалилася жаждой зависти:  
Бьет, ломает все без жалости.  
На пиру хмельном с ватагою  
Молодец молодцов поит брагою.  
В парче молодец да в золоте —  
Не мало добра в каждом городе:  
С головы до ног оденешься,  
Если сдуру сам не поленишься.

Глядит молодец, шотешается..  
Охмелел, слетка шатается.  
Заплетает язык никчемное:  
То бесшутное, то соромное.  
Вот запел молодец песню страшную  
Про судьбу свою бесшабашную:  
— «Перед кем, друзья, здесь мне каяться?!  
«Не хотелось мне в мире маяться —

«Гнуться с завистью, гнуться с злобою  
«И сказал я себе — попробую!!  
«Не стерпела грудь, разболелася:  
«Разгадать тоску захотелось..  
«И стряхнул я с плечь волю царскую,  
«Распоптал в ногах спесь боярскую  
«И пошла стеной моя вольница!  
«Кто уйдет от нас? кто схоронится?!  
«Купцам, торгошам нет прощенья,  
«На бояр, князей наше мщенье!..  
«Мужикам разгул да с пьянкою:  
«Гуляй, крути с дворянкою..  
«Как волна к волне ласкается,  
«Так судьба с судьбой сочетается.

— «Эх, ты Русь моя привольная,  
«Как и я всегда недовольная,  
«Ненасытная, беспокойная,  
«Необъятная, раздольная!  
«Ах, когда бы знать, что мне задаю,  
«Что осталось неразгадано?  
«Но живой народ к правде ломится..  
«Кто за нас лихих помолится?  
«Кто поймет тоску — мое мщенье?!  
«Но не жди, молодец, прощенья!  
«Для тебя, молодца, приготовлено:  
«Твоя жизнь с палачем помолвлена!  
«Скоро с нею ты расквитаешься,  
«С царской милостью спознаешься»...

### 3.

Гудит колокол, надсаждается..  
Народ на площадь собирается.



Уж черней черна площадь Красная —  
Место лобное ужасное..  
Гомонит народ речи жуткие,  
Подбодряет их смехом, шутками:  
Про запас словцо есть у всякого,  
Чтобы жалость навзрыд не заплакала.  
Вот ведут молодца-разбойничка,  
Хоть живого, но уж покойничка!  
Он идет вперед, как шатается.  
Перед ним народ расступается.

— «Эх, ты, Дон, река могучая!  
«Не волна ль твоя певучая  
«Пела песню мне, песню новую  
«Про судьбу мою бедовую..  
«Соблазнили те шесни вольные  
«И пошли за мной недовольные.  
«Вот они кругом — море черное —  
«В берега легли усмиренные.  
«А давно ли месть бурей тепилась?  
«Сколько резалось, сколько вешалось?!»  
«И за всех теперь я ютветчиком,  
«Потому что был застрельщиком...

Отмахнул палач парню голову,  
Неудачнику бедовому..  
Точно охнула площадь Красная:  
— «Отцвела твоя жизнь напрасная,  
«Никому не дала утешения  
«И найдет ли она в ком прощение?!»  
Разошелся народ — в тайне молится  
За погибшую душу молодца.

## Т О С К А.

Жил-был когда-то давно на Руси  
Молодец сильный и статный.  
Жил он разбоем: — проси, не проси —  
Нож заносил он булатный,  
Грабил и с шайкой своей уходил  
В щелби лесные. До срока  
Там он развратничал, пьянствовал — жил  
Ради земного порока.  
В Бога не верил и правды не знал.  
Кровью и водкой тоску заливал.

Ах, как боялся он этой тоски!  
С детства она посещала  
Душу живую и, будто в тиски,  
Сердце его зажимала.  
Это она толкнула юнца  
В омут разврата и крови:  
Думал изжить он ее до конца —  
Всю уничтожить в основе.  
Что-ж?!.. Хоть белеет уже седина,  
Все еще им не изжита она..

— «Разве я в жертву тебе не принес  
Волю и силы, и Бога?  
Не для тебя ли потоками слез

Полита эта дорога!  
Разве не ты подымала мой нож  
В дикой разнузданной пляске?  
Все допускала: — и злобу, и ложь,  
И кровожадные ласки!» —  
Так он, поникши на грудь головой,  
Снова беседовал с вечной тоской.

Сосны шумят и баюкают слух.  
Ходят прозрачные тени.  
Мелкий кустарник покрылся вокруг  
Зеленью первой весенней.  
Точно как в храме, зовет тишина  
Богу в лесу помолиться.  
Между деревьев видна синева  
И розовых туч вереница.  
И выбегает лесной ветерок  
На перекрестки проезжих дорог.

Здесь он, однажды, богатый обоз  
Остановил и ограбил.  
Вместе с товаром красотку увез,  
Свадьбу с ней справил в овраге.  
Там он зарезал двух знатных купцов,  
Деньги делил с молодцами...  
Что ни тропинка, то новая кровь  
Вместе с мольбой и слезами...  
Ну, а тоска-то, как раньше, — жива,  
Шепчет ему роковые слова:

— «Сбился ты, молодец добрый, с пути,  
Тайны моей не освоил:  
Вечную правду решил обойти,  
Зло и соблазны удвоил.

Я, вековая седая тоска,  
Не о земном изнываю —  
Правда небесная сердцу близка —  
Правдой живу и страдаю...  
Что же молчишь ты? Кругом отлянись,  
Стань на колени, покайся, молись!»...

Много столетий прошло с той поры...  
Сосны, не те, а другие,  
В солнце кружат золотые стволы,  
Вскинув вершины седые.  
Новых дорог хитроумная сеть  
Переплелась не напрасно:  
Гулко поет колокольная медь —  
Вдумчиво, траурно, властно —  
Голос ее расплывается вширь: —  
Здесь атаман основал монастырь!

## ПЕСНЯ ПРИМИРЕНИЯ.

Буря зимняя, холодная  
Пела песню невеселую:  
Пела песню потрепальную,  
Заунывную, замогильную...  
И кружила она вихри белые,  
Расстилала их точно саваны.  
И на каждого убитого  
Опускала их с молитвою...  
И своих и чужих одинаково  
Буря русская оплакала.

— «Ах, не мне судить, и не вам рядить —  
«Знать судьбою нам так написано:  
«Не с цветами я к вам пришла сюда,  
«А с мертвецкою песней выслана!  
«Широка ты, степь неоглядная,  
«Точно море ты раздвинулась.  
«Над тобою ненарядное  
«Небо зимное опрокинулось —  
«Небо серое, холодное,  
«Тучей снежную одетое,  
«Точно песня невеселая  
«До конца еще неспетая».  
— «Вот, лежите вы здесь, покойнички,  
«Бездыханные солдатики...  
«Меж собой враги невольные —  
«Для меня равны, что братики!

«Все вы славные, все болезные —  
«Пострадали вы в равной степени.  
«Слезы горькие, бесполезные  
«Не падут на вас оттепленной:  
«Не разбудит вас горе матери,  
«Жалость девичья, стоны вдовий.  
«Смертью вашею будет тешиться  
«Бестолковое многословие».

— «Ах, затем ли вы свет увидели,  
«Чтобы пасть в бою вам навязанном?  
«Без желанья и без радости!  
«По рукам, ногам крепко связанным!  
«По своей ли воле, детушки,  
«Собрались вы сюда на побоище?  
«Разве каждый из вас отброс дурной,  
«Ничего уже больше нестоющий?!

— «Сила страшная, безлика,  
«Безымянная, неясная,  
«В своей жадной воле дикая  
«И жестокостью опасная —  
«Подхватила вас, закружила вас...  
«Так, вот, пыль столбом в бурю кружится  
«И несется она черной тучею  
«Пока на землю не опустится.  
«Для чего? зачем?! Безответные,  
«Вы и есть та пыль незаметная,  
«Пыль которая попирается..  
«Но, приходит час, подымается  
«Эта пыль столбом, черной тучею,  
«Чтоб пожить судьбой могучею,  
«Показать свое презрение  
«Вам и страх, и смерть, и тление!!

— «Что мертвей, белей ковра зимнего  
«Из сыпучих снегов тканного  
«И, как розами, кровью алою,  
«Кровью братекою разубранного?  
«От Балтийского моря к Черному  
«От Днепра - реки до Каспия  
«На ковре этом, взбитом бурями,  
«Война дикая многих распяла...  
«И лежите, от, вы покойнички,  
«Не враги теперь, а сроднички.  
«И сроднила вас смерть солдатская  
«И могила у вас одна — братская...

— «Калужане — стрелки, пулеметчики,  
«Тамбовцы — пушкари наводчики,  
«От Алтайских гор исашные...  
«Рядом с ними враги вчерашние:  
«Бранденбуржцы, баварцы и прочие —  
«Неповинные люди рабочие...  
«Всем могила одна просторная,  
«И победа у всех бесспорная!»

Буря зимняя, холодная,  
Спела песню невеселую,  
Невеселую, погребальную,  
Заунывную, замогильную,  
И своих и чужих одинаково.  
Буря русская оплакала.  
Примирила всех суровая —  
Так родилась песня новая...  
Песня новая примирения  
Христианского всепрощения.

## **ПРОШЛОЕ.**

**Я любил крестьянские заботы...  
Как духи я нюхал пот коня,  
Любовался блеском шозолоты  
Зарождавшетося в небе дня.**

**Я ходил с утра за бороною,  
В полдень пил и молоко, и квас.  
Жал, пажал, косил с родной семьею,  
В общем хоре надрывал свой бас.**

**Врошни в землю грудью и ногами,  
Любовался я в вечерний час,  
Как да темными, дремучими лесами  
Свет заката, истекая, гас.**

**Ждал когда рассыпятся горохом  
Звезды яркие и белая луна  
Мир украсит серебристым мохом,  
А в груди сольются времена.**





## О Г Л А В Л Е Н И Е :

	Стр.
Вступление .....	5
Ревком .....	6
Жил бы грозный комиссар .....	16
Песня леса Катынского .....	24
Исповедь чекиста .....	27
Судьба Потапа Назарыча .....	29
Родные .....	62
Ответ .....	64
Пурга (былина) .....	66
Молодец .....	71
Тоска .....	75
Песня примирения .....	78
Прошлое .....	81